АЛИ ХЕЙЗЕЛВУД

перевод Юлии Змеевой

СВЯЗАННЫЕ

18+

роман

МИФ

Бестселлеры Али Хейзелвуд

АЛИ ХЕЙЗЕЛВУД

СВЯЗАННЫЕ

Перевод с английского
Юлии Змеевой

Москва
МИФ
2027

УДК 821.111-32
ББК 84(7Сое)6-446
Х35

Original title:
BOUND
Ali Hazelwood

На русском языке публикуется впервые

Хейзелвуд, Али

Х35 Связанные / Али Хейзелвуд ; пер. с англ. Ю. Змеевой. — Москва : МИФ, 2027. — 288 с. — (Бестселлеры Али Хейзелвуд).

ISBN 978-5-00281-315-5

Вероника Мерсер, аспирантка и талантливая фальсификаторша редких книг, оказывается в руках профессора истории Виктора Эшворта. Он предлагает ей немыслимую работу: изготовить безупречную копию средневековой рукописи, хранящей секрет вечной жизни. Однако Виктор не тот, за кого себя выдает: за идеальными манерами и холодной сдержанностью скрывается бессмертный, проживший более тысячи лет. Чем дольше они сотрудничают, тем яснее Вероника осознает: подделка должна стать приманкой в смертельно опасной охоте — и теперь под ударом оказалась она сама.

УДК 821.111-32
ББК 84(7Сое)6-446

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных средств.

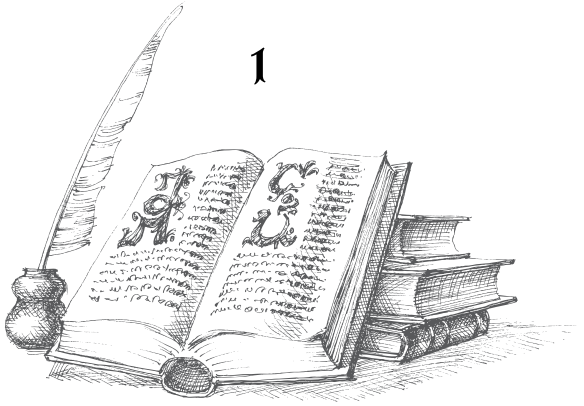
Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением. Употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

ISBN 978-5-00281-315-5

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © Ali Hazelwood, 2026
First published in Audio Format by Spotify Audiobooks, First Published in Print by Berkeley, an imprint of Penguin Random House LLC.
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2027

1

Должна признать, моя история не слишком отличается от любой другой, хотя, конечно, она дорога и интересна мне больше прочих. Все истории, по сути, одинаковы: у них есть начало, запутанная середина и конец, разрешающий все головоломки. За свою жизнь я рассказала столько историй, что мне не составило бы труда взять перьевую ручку, стопку бумаги, непременно ручной работы, и добавить еще один рассказ к своей коллекции. И все же я сомневаюсь и никак не могу решить, с чего начать.

Подруга предложила начать с лета накануне последнего года учебы в аспирантуре Университета Рокхейвена, то есть за несколько месяцев до моей смерти. Тогда у меня уже возникли неприятности, а судьба была предрешена, хотя я об этом еще не догадывалась. Но я не уверена, что это удачное начало. Слишком

смело начинать с центрального эпизода фабулы, учитывая, что первые строки этой истории были написаны, еще когда я была худосочной девчонкой с волосами странного цвета и привычкой непрерывно жевать жвачку.

Тогда моим любимым времяпровождением было смотреть, как старушка-соседка окунает соболиные кисти в акварельные кюветы в старинной жестяной коробочке. «Повезло тебе, — говорила Грейс ворчливым прокуренным голосом, сосредоточенно глядя на свой очередной шедевр. — Если бы твоя никчемная мамаша, собиравшая деньги на липовую благотворительность, угодила в тюрягу прежде, чем твой никчемный папаша, воровавший данные чужих кредиток, оттуда вышел, жила бы ты сейчас в приемной семье в Таллахоме и рисовала цветными мелками. Иди сюда, детка, объясню, почему такая лессировка никуда не годится».

Я никогда не позволяла себе мечтать понапрасну. Что тогда, что сейчас отказываюсь признавать, что, обучая меня основам кракелюра и чистки кожаных переплетов от плесени, Грейс таким оригинальным способом проявляла свою любовь. И все же, раз я решила поведать свою историю, без рассказа о ней не обойтись, ведь именно она научила меня видеть красоту там, где другие ее не замечают. Не могу не упомянуть и судью, который ясно дал понять, что следит за мной и продолжит делать это в обозримом будущем, если, разумеется, я не опомнюсь, не исправлю оценки и не разошлю заявки в университеты. Почетного упоминания также заслуживают курс «Химия в реставрации», на который

я записалась на втором году обучения в колледже, потому что это был единственный курс, не начинавшийся в восемь утра, мой академический консультант, который сказал, что, если меня действительно увлекает «вся эта средневековая дребедень», у него есть друг в престижном университете на севере, который как раз этим и занимается, моя особенность забывать о времени и пространстве, когда в моих руках оказывалась старинная книга, и посмертное письмо Грейс, написанное таким же прерывистым и неровным почерком, как и ритм ее сердца. *«Мне удалось скопить не бог весть сколько, но на переезд хватит. Убирайся из этой чертовой дыры»*.

Так и началась моя история. Как видите, ветров было несколько, но через пару недель после начала моего обучения в аспирантуре они задули разом и спровоцировали идеальный шторм. Это случилось, когда Мортимер Макманаман — «только не называй меня Морти» — воспользовался своим главным козырем и убедил мою квартирную хозяйку Роксанну пойти с ним на свидание.

Мортимер был богатым мальчиком с мягкой челкой, падавшей на лоб; он обожал представляться «любителем искусства», носил поло всех цветов радуги и никак не мог отрастить солидные усы. Он никому не нравился, хотя очень старался. Иногда мне становилось его жаль, и, думаю, Роксанна пошла с ним на свидание именно по этой причине. А может, он просто воспользовался ее уязвимым положением. Она недавно рассталась с мужем. Хотя она считалась одним из лучших

геммологов в Новой Англии, ей приходилось отказываться от заказов, так как забота о маленькой дочери, Рори, отнимала слишком много времени. Развод нанес серьезный удар по ее финансам, а в отчаянии люди совершают отчаянные поступки. Например, идут на свидание с мутным парнем или находят в интернете аспирантку по объявлению и сдают ей свободную комнату.

Мортимер, конечно, был лучше бывшего Роксанны, который врал ей и изменял, но их совместное будущее все равно представлялось сомнительным, тем более что на первом же свидании он начал называть ее «котенком» и не догадался, что ей это не нравится. Роксанна знала, что у них ничего не выйдет. Я тоже это знала. Судя по количеству подарков, захламлявших нашу квартиру, Мортимер был в отчаянии и тоже это знал. И все же он упрямо цеплялся за иллюзию, что Роксанна — та самая. Приходил раз в неделю или когда Рори забирал к себе ее отец. Возился с челкой перед зеркалом в прихожей и выкладывал подношения на алтарь Роксанны и ее идеального тела, доведенного до совершенства групповыми тренировками на велотренажерах. Он приносил ей импортный кофе в зернах, вино не из пакета и шоколадные конфеты, продававшиеся по семь долларов за штуку.

А одним роковым вечером принес первое издание «Дракулы» Брэма Стокера.

Справедливости ради скажу, что это был не подарок — он принес его похвастаться.

— Сегодня получили. — Мортимер достал книгу из кожаного портфеля и положил на стол. Макманаманы жили

в Бостоне, но в Вермонте им принадлежал антикварный магазин средней руки, и Мортимер недавно отвлекся от своего основного занятия — непрошеных рекомендаций местных пивоварен и полей для гольфа — и взял на себя управление семейным бизнесом. — Потрясающе, правда?

Роксанна ахнула:

— Боже мой! — Она потянулась к книге — видимо, хотела провести пальцем по красно-золотым буквам на обложке, — но передумала и отдернула руку. — Это невероятно. Ты только посмотри на переплет!

— Ага. — Мортимер самодовольно ухмыльнулся. — Представьте, больше века назад, примерно в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, какой-то человек сидел у камина, курил трубку и читал эту книгу. А теперь она здесь, у вас на кухне. Можете представить?

— Нет, — ответила я.

Роксанна и Мортимер повернулись ко мне: первая взглянула на меня с удивлением, второй — с досадой.

— В смысле «нет»? — спросила Роксанна.

Я посмотрела на пресс для панини, который стащила с прошлой работы, из гастрономической лавки, и пожалела, что открыла рот.

— Думаю, это может быть подделка, — максимально нейтрально ответила я, хотя это была ложь. На самом деле я не сомневалась, что это подделка. Но, что бы там ни говорили мои родители, мне не нравилось разочаровывать людей.

— *Думать* можно что угодно. — Тон Мортимера, как обычно, был притворно-дружелюбным, но глаза

враждебно прищурились. — Например, что Земля плоская, а облака — это зефир. Но это не значит, что это правда.

— Не значит.

Я пожалела, что не живу в параллельной реальности, где можно было бы просто выйти на балкон и спокойно съесть горячий бутерброд с сыром, забыв об этом разговоре. Но разве это не сделало бы меня беспечной эгоисткой? Я не могла промолчать, ведь Мортимер планировал продать эту книгу за сто тысяч. В лучшем случае пострадает его репутация, в худшем — его посадят.

Доброта порой жестока.

— Не значит, — повторила я, — но, с твоего позволения... — Я приблизилась, взяла книгу и открыла ее, не обращая внимания на сердитое лицо Мортимера. — Видишь, как приклеены форзацы? Конечно, нельзя сказать наверняка... — *конечно, можно сказать наверняка*, — но такую технику склейки не использовали в конце девятнадцатого века. Ровная прошивка, бумага... В Викторианскую эпоху применялась другая технология варки целлюлозы. И обрати внимание, как четко пропечатаны буквы, и еще... В общем, — я убрала книгу в портфель, и мне даже стало немного жаль Мортимера, — все, что я перечислила, подтверждает, что это подделка.

— Чего? Да откуда ты вообще знаешь, какие технологии варки целлюлозы применялись в Викторианскую эпоху! — У Мортимера вырвался нервный смешок.

— Веро — специалист по истории искусства, она учится в аспирантуре, — ответила Роксанна, возмутившись

вместо меня. — Ее бабушка была реставратором. Но, Веро, ты не говорила, что она реставрировала книги.

Грейс скорее бы сжевала мастихин, чем позволила назвать себя чьей-то бабушкой, но я не привыкла обсуждать свое прошлое с посторонними и не знала, как еще объяснить роль, которую она сыграла в моей жизни. Аспирантура стала очередным поворотом моего извилистого пути: я переехала в новый город, завела друзей, влилась в местное сообщество и все такое прочее. Я пробовала сближаться с людьми, но все же чувствовала, что не стоит рассказывать им все.

— На самом деле она почти только книгами и занималась. Это самое востребованное в реставрации.

Мортимер посмотрел на меня так, будто видел впервые; как будто все это время я была невидимкой, а тут вдруг возникла из воздуха посреди гостиной. Сначала его взгляд упал на мой прямой пробор; затем он окинул с головы до ног мою долговязую фигуру и наконец опустился к моим босым стопам. Они с Роксанной были старше меня меньше чем на десять лет, но он смотрел на меня как на оборванца-карапуза, просившего каши.

— Тебя зовут Веро, да? — угрюмо спросил он.

— Да. — Вообще-то он знал, как меня зовут; мы, бывало, даже обменивались дежурными любезностями, пока я разогревала суп в микроволновке или резала салат. Но я прекрасно понимала, как люди, подобные Мортимеру, смотрят на мир, как и то, что они крайне редко замечают женщин, с которыми не хотят переспать. А я совершенно точно была не в его вкусе: выше его почти на голову, серебристые седые волосы,

не слишком ровные зубы, пирсинг везде, где только можно, и гардероб, состоящий в основном из мешковатых бесформенных вещей. Я давно смирилась, что большинство мужчин, глядя на меня, испытывают оторопь, страх или равнодушие.

Мортимер оказался таким же, как большинство.

— А как ты смогла определить, ровная или неровная прошивка, стоя в другом конце комнаты? — спросил он.

«Потому что это настолько плохая подделка, что ее за километр видно», — подумала я, но вслух произнесла:

— У меня хорошее зрение.

— Неужели? И это твоя специальность? Изучаешь редкие книги?

— Не совсем. Я специализируюсь на рукописях позднего Средневековья.

— Хочешь стать профессором?

— Я...

— Вот видишь, в этом твоя проблема. Ты... — он ткнул в меня пальцем, — один раз сходила на занятие по теме, лишь косвенно связанной с твоим основным предметом, и считаешь себя лучше эксперта-букиниста, с которым моя семья сотрудничает уже пять лет! — Он замолчал, видимо рассчитывая, что я рассержусь и стану с ним спорить. Увидев, что мне нет дела до его истерики, он торжествующе улыбнулся и пробормотал: — Ох уж эти аспирантки. Все одинаковые.

Роксанна фыркнула и заметила, что она тоже была аспиранткой и защитила диссертацию по материаловедению, назвала его грубияном и сказала что-то еще,